

Мир сошёл с ума

Изящное Собрание «Достичь известности» — возможность взойти на высокую гору и прославиться на весь мир. Молодые практики из тридцати шести уделов четырёх континентов и с заморских островов — кто из них не мечтал о славе?

Однако собрание ещё не началось, а один человек, ещё не взойдя на вершину и не одержав побед, уже стал достаточно знаменит.

У него не было ни власти, ни богатства, но за ним следовали тысячи преданных учеников.

Он видел воочию первую красавицу Мяо Янь, но отнёсся к её красоте с пренебрежением.

Он не обнажил оружия, но заставил Шестерых Мудрецов с Зелёного Утёса поспешно отступить.

Этой ночью на озере Яогуан он в одиночку прорвался через окружение, отказался от несметных сокровищ и сорвал лишь цветок с волос прекрасной девы.

Воистину, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!

Все со смешанными чувствами смотрели на Сун Цяньцзи, словно пытаясь разглядеть его насквозь.

Кто-то завидовал школе Хуавэй, у которой был такой гений, способный в решающий момент отстоять честь школы; и в то же время радовался, что в их собственной школе нет такого смутьяна, который бы переворачивал вверх дном всю внешнюю школу.

Кто-то подумал, что у Сун Цяньцзи ещё нет наставника, и, по слухам, у него были старые обиды на Зал Дьяконов школы Хуавэй, а значит, на Изящном Собрании «Достичь известности» он мог бы перейти в другую школу. Возникла мысль переманить талант. Такому гению место не во внешней школе, где он только создаёт проблемы, а сразу во внутренней, в качестве личного ученика.

Мышление личных учеников кардинально отличалось от мышления учеников внешней школы. Они пользовались всеми благами школы, и чем могущественнее становилась школа, тем больше ресурсов для совершенствования они получали. Поэтому они во всём действовали в интересах своей школы.

Что до тех практиков, которые были связаны родством или дружбой с Шестью Мудрецами с

Зелёного Утёса, то, увидев продемонстрированную Сун Цяньцзи технику и его манеру держаться, они на время оставили мысли о мести.

Они рассудили, что эти шестеро — просто избалованные отпрыски, пользующиеся славой своих предков. Прямого родства или крепкой дружбы с ними не было, так что не стоило ради них связываться с таким сильным противником. Лучше было сделать вид, что ничего не произошло.

У Чэнь Хунчжу не было таких далеко идущих мыслей. Она лишь досадовала, что эти двое из семьи Чжао появились так не вовремя.

Сегодняшний вечер, полный неожиданных поворотов, всё же закончился победой школы Хуавэй, которая не посрамила чести хозяев. Казалось, всё вот-вот благополучно завершится, но в этот самый момент кто-то выкрикнул имя Сун Цяньцзи.

Она смерила Чжао Цзихэна испепеляющим взглядом.

Сун Цяньцзи, услышав голос Чжао Цзихэна, обернулся и улыбнулся.

— Какая встреча.

Он вспомнил, что кресло в его дворе было подарком Чжао Цзихэна. Оно было с мягкими подушками и стояло под цветочной аркой. Лежать в нём было так же удобно, как утопать в облаках.

При мысли о кресле он улыбнулся.

Эта улыбка взбесила Чжао Цзихэна.

— Вы здесь только вдвоём с Мэн Хэцзэ?

Сун Цяньцзи кивнул.

Чжао Цзихэн обрадовался.

Если бы не строгий наказ дяди больше не связываться с этим Суном, разве он стерпел бы до сегодняшнего дня?

Он огляделся: впереди — его двоюродный брат Чжао Му, достигший полушага до стадии Золотого ядра, вокруг — множество практиков из дружественных семье Чжао родов. А Сун Цяньцзи, без поддержки всей внешней школы, лишь с одним Мэн Хэцзэ, попал в окружение,

словно ягнёнок в стаю волков.

«Неужели небеса на моей стороне? — Чжао Цзихэн пришёл в крайнее возбуждение, его глаза заблестели. — Неужели сегодня я смогу растоптать этого Суна?»

Вдруг он услышал, как Чжао Му произнёс:

— Что случилось с феей Фэн? Отчего она плачет?

Он не знал, что произошло ранее, но эта фраза позволила ему и проявить сочувствие к красавице, и отвлечь всеобщее внимание от Сун Цяньци.

Чжао Цзихэн тут же подхватил:

— Фея Фэн, неужели эти двое из внешней школы вас обидели? Не волнуйтесь, пока мы здесь, мы им этого с рук не спустим!

Взгляды действительно переместились, но смотрели на них очень странно.

Чжао Му почувствовал неладное и мысленно велел Чжао Цзихэну замолчать.

Фэн Цзыи, осознав, что плакала, торопливо вытерла слёзы и гневно посмотрела на Чжао Цзихэна.

Но, увидев, что Сун Цяньци смотрит на неё с теплотой, без тени насмешки или презрения, она немного смягчилась и обратилась только к нему:

— Что ты только что сказал? Я не расслышала.

— Я хотел спросить, Даос, где растёт этот цветок и как за ним ухаживать?

Сун Цяньци, видя слёзы на её лице и не понимая их причины, всё же добавил:

— Если я вас чем-то обидел, прошу прощения. Пожалуйста, не считите за труд, просветите меня.

Фэн Цзыи была поражена.

Только что этот человек вёл себя как непобедимый полководец, прорывающийся сквозь вражеские ряды, а теперь, с цветком в руке, говорил с ней так тихо и учтиво.

Её голос невольно смягчился:

— В моей школе Даянь есть духовный источник. Цветы и деревья, омываемые его водой, становятся полны жизненной силы, а звери, испившие из него, обретают разум. Эти несколько кустов яшмового цветка Цюн растут у самого источника и день и ночь впитывают его благодать, оттого они и необычны. Правда, в последние годы духовная энергия источника ослабела, и вода уже не имеет целительной силы для практиков...

— Старшая сестра! — прервал её один из соратников.

Фэн Цзыи замолчала.

Её брат по школе облегчённо вздохнул, боясь, что она в своём простодушии раскроет все секреты их школы.

Услышав слово «духовный источник», Сун Цяньцзи насторожился.

Источник Бессмертия находился в его пурпурном дворце и день и ночь питал его духовные меридианы. Но духовное давление этого небесного сокровища было так велико, что он пока не мог к нему прикоснуться. Если бы только он мог взять несколько капель и полить ими свои растения, какое бы это было счастье!

«А что, если я создам свою собственную технику, которая объединит дыхание и поглощение духовной энергии? — эта мысль была настолько невероятной, что прежний Сун Цяньцзи назвал бы это бредом сумасшедшего. — Тогда я смогу совершенствоваться, занимаясь чем угодно: едой, сном, работой в огороде. Когда мой уровень поднимется, я смогу прикоснуться к Источнику Бессмертия»

Но сейчас он интуитивно чувствовал, что это возможно, нужно только хорошенько всё продумать.

Фэн Цзыи, видя его искреннюю радость, подумала:

«Я всего лишь ответила на один его вопрос, неужели он так счастлив?»

Чжао Цзихэн, каким бы недалёким он ни был, к этому моменту понял, что что-то не так. В беседе было много людей, но никто не нападал на Сун Цяньцзи.

Он, сжимая свитки, посмотрел на своего двоюродного брата.

Лицо Чжао Му стало землисто-серым.

Фэн Цзыи постучала по нефритовому столу:

— Я выложила эту жемчужину Короля Цзяо из Южного моря и не собираюсь забирать её назад. Иначе пойдут слухи, что это вы сами отказались, а кто не знает, подумает, что я, Фэн Цзыи, не держу своего слова! Забирайте. Считайте это извинением за то, что мои ученики нарушили правила и применили магическое оружие на озере.

Чжао Цзихэн не верил своим ушам. Вы не подрались, а ещё и извиняетесь друг перед другом?

Он в изумлении смотрел, как представители других школ один за другим стали предлагать Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ забрать их магические артефакты.

Мир сошёл с ума!

— Мы признаём поражение и, естественно, выполняем обещание.

— Мы дали слово, и наша школа от него не откажется.

— Надеемся, вы не будете держать на нас зла, даосские друзья!

Кто-то хотел задобрить Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ, чтобы переманить их в свою школу, кто-то не хотел показаться мелочным и уступать в щедрости школе Даянь.

Старший брат Сун посмотрел на Мэн Хэцзэ и улыбнулся:

— Иди, собирай.

Мэн Хэцзэ обрадовался, но, стараясь сохранить самообладание, достал мешок для хранения и стал складывать в него артефакты.

Сун Цяньцзи поблагодарил всех, попрощался и увёл Мэн Хэцзэ.

— Все довольны сегодняшним вечером? — спросила Чэнь Хунчжу.

Все смотрели вслед удаляющимся фигурам Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ и в один голос ответили, что очень довольны.

Фэн Цзыи коснулась пустого места на виске и встала:

— Я устала, пойду отдохну.

Вскоре беседка опустела.

Лишь разбитая луна отражалась в озере, и ивовые ветви качались на ветру.

— Уходим, — с трудом выдавил Чжао Му, сжимая веер.

— Но как же наши картины? В следующий раз покажем? — в отчаянии спросил Чжао Цзихэн.

Двоюродный брат вложил столько сил, столько труда, и всё ради сегодняшнего вечера, чтобы показать свои картины, прослыть знатоком женской красоты и выделиться из толпы.

Чжао Му помрачнел и холодно взглянул на него:

— Сожги их!

— А? — не хотел верить своим ушам Чжао Цзихэн.

Чжао Му посмотрел в сторону озера. Две фигуры уже растворились в ночной тьме.

— Не задавай лишних вопросов, — процедил он сквозь зубы. — Этот план провалился. Придётся придумывать что-то новое для испытания каллиграфии и живописи!

Мэн Хэцзэ шёл по горной тропе.

Ему казалось, что он ступает не по твёрдым каменным ступеням, а по облакам.

Внезапно разбогатеть — вот что это было.

Только дойдя до жилой зоны внешней школы, он немного пришёл в себя:

— Старший брат Сун, ты такой молодец, мы теперь богаты!

— Зачем они мне? — удивился Сун Цяньцзи. — Это всё тебе.

— Мне?

Сун Цяньцзи кивнул:

— Теперь ты успокоился?

Мэн Хэцзэ замер, и ему стало стыдно.

«Так вот почему старший брат Сун позволил мне забрать все сокровища. — Мэн Хэцзэ осознал, что наставник заботится о его состоянии перед прорывом. — Он знал, что я скоро столкнусь с прорывом и не должен злиться. А я всё время заставляю его обо мне беспокоиться»

Он замотал головой:

— Нет, старший брат, это ты их выиграл, они все твои!

— Ты когда-нибудь видел, чтобы я пользовался магическим оружием? — усмехнулся Сун Цяньцзи. — Эти артефакты сегодня все видели. Когда ты найдёшь хорошего наставника и перестанешь быть вольным практиком, никто не посмеет на них покуситься. Когда ты станешь великим мастером, люди сами будут дарить тебе сокровища, и ты сможешь их принимать. Но то, что тебе не дарят, нельзя отбирать силой, иначе, даже если на время получишь преимущество, в итоге заплатишь высокую цену и не сможешь достичь истинного пути...

Он вдруг замолчал. В этой жизни Мэн Хэцзэ не станет Нечестивым Буддой. Он и так был честным человеком, зачем ему эти поучения, выстраданные кровью?

Просто Сун Цяньцзи подумал, что им скоро предстоит расстаться, и не мог удержаться от наставлений.

Перед уходом он ещё раз напомнит Мэн Хэцзэ о трагедии, которая произойдёт через два года и уничтожит его клан. Так он исполнит свой долг.

В прошлой жизни он столкнул его в пропасть, в этой, по крайней мере, не причинил ему вреда.

«Если я не смогу пойти в ученики к тому же наставнику, что и старший брат Сун, я лучше вообще ни к кому не пойду. — Мэн Хэцзэ сжал кулаки. — Иначе кто будет носить ему чай, готовить суп и лапшу?»

Сун Цяньцзи вспомнил о свитках в руках Чжао Цзихэна.

В последнее время что-то слишком много людей занялись живописью и каллиграфией. Он слышал о том, что «бумага в Хуавэй на вес золота», а всё потому, что в школу должен был прибыть Мудрец каллиграфии. Все практики, владеющие искусством талисманов, съехались в город Хуавэй.

В прошлой жизни ничего подобного не было. Неужели его перерождение изменило ход

событий, и Вэй Чжэньюй появился раньше, а потому и Мудрец каллиграфии приехал, чтобы найти себе ученика?

Вэй Чжэньюй в начале своего пути скрывал своё имя. В местах, подобных сегодняшней беседке, где собирались для развлечений и знакомств, его точно не было.

Сун Цяньцзи посмотрел на небо. Яркая луна сияла в вышине.

Звёздная река пересекала половину ночного неба, и мириады звёзд, мерцая, падали за горы.

Но какая из этих звёзд — юный Спаситель мира, и где он сейчас?

Погружённый в свои мысли, он подошёл к своему двору. Персиковые деревья у алых ворот уже отцвели, и земля была усыпана лепестками.

Бальзамин и молодые побеги фасоли купались в ясном лунном свете, покачиваясь на ветру.

Сердце Сун Цяньцзи наполнилось радостью, и он тут же забыл обо всех мирских заботах.

<http://bllate.org/book/16982/1587389>